

Заключение

Я дам здесь краткий очерк сделанного в этой книге, собирая воедино идеи, высказанные на разных этапах исследования. Это можно рассматривать как резюме выработанной позиции. Я смогу отметить только принципиальные моменты, но их будет достаточно, чтобы развить и те следствия, которым было уделено меньше внимания или которые не были упомянуты вовсе.

Главное, что достигнуто в этой книге, — формулировка основ теории, объясняющей закономерности формирования значения языковых знаков. Существенная оговорка состоит в том, что выявленные на данном этапе закономерности объясняют формирование значения лишь частично, или, что то же самое, не «из ничего»: необходим некоторый «сырой материал», чтобы показать, каким образом он закономерно перерабатывается в то, что постигается нами как значение речи. Вместе с тем даже само поле действия таких закономерностей, не говоря уже о них самих, до сих пор вовсе не попадало в сферу внимания теоретиков и не осознавалось как наличное. Я описал действие этих закономерностей и проследил его вплоть до их интуитивных оснований, делающих возможным возникновение значений как преобразование определенных «очевидностей», безошибочно усматриваемых нашим сознанием.

Основной чертой теории является возможность сформулировать различные типы закономерностей, регулирующих формирование значения. Выдвинутая на основе эмпирического материала гипотеза заключается в том, что для разных культур характерны разные типы таких закономерностей. Речь в этой работе идет о двух типах закономерностей, характерных для западной и арабской культур. Вопрос о принципиальном количестве таких типов (и, возможно, их носителей) остается открытым до будущих исследований, призванных его прояснить.

В таком виде теория могла бы быть названа семантической. Ее импликация, однако, выходит далеко за сферу семантики как таковой. Кратко суть дела можно выразить так: значение рассматривается здесь не как присваиваемое, но как формируемое; логика и обусловленность этого формирования и занимают меня. Для того, чтобы понять основа-

ния формирования значения, пришлось модифицировать традиционный фундамент понимания объективности мира и соотношения с ним познающего человека, вести речь о том, что такое «вещь» и как следует понимать ее представленность познанию.

Поэтому предложенная теория имеет общеполософское звучание; не будет ошибкой сказать, что она не может быть адекватно воспринята в отрыве от названной проблематики. Соответственно и центральное понятие этой теории не является чисто семантическим или семиотическим, хотя отнюдь не исключает эти сферы из области своего содержания. «Смысл» в моем понимании предполагает обращенность к названным общеполософским вопросам, и уже на основе их решения — к проблемам, традиционно именуемым семантическими (семиотическими). Поэтому всякие ассоциации с теми или иными значениями категории «смысл», отделяемой от «значения» или противопоставляемой ему, которые она приобрела в современной лингвистике и философии языка, окажутся вводящими в заблуждение. Изначальная причина этого — в том, что сфера формирования смысла, как она очерчена мной, никак не может быть вписана в систему представлений, неотъемлемых от названных дисциплин: здесь открывается область, которая оставалась до сих пор за пределами рефлексии.

Этим определяется и выбор основной терминологии. Излагая собственные положения (а не описывая чужие), я использовал термин «смысл», избегая ненужного мне «значения», за исключением немногочисленных контекстов, где употребление последнего понятия было оправданным или даже необходимым. Формирование смысла названо мной «смыслополаганием». Поскольку смыслополагание подчинено неизменным закономерностям, определяющим содержание формируемого смысла, закономерностям, которые могут быть эксплицированы и сформулированы, я назвал свою теорию «логико-смысловой», или просто «логикой смысла». Последний термин имеет два значения. С одной стороны, он указывает на данную теорию как на отображение в нашем знании закономерностей смыслополагания. С другой стороны, он обозначает сами эти закономерности, лежащие в основании смыслоформирования и действующие независимо от их рефлексивного схватывания нами. Имея в виду это, второе значение, я говорил о разных логиках смысла, характерных для разных культур.

Смыслополагание описано как процедура, понимаемая в самом общем плане в соответствии с основным значением термина — независимостью от содержания, которое подвергается «обработке» и возникает в результате ее осуществления. Именно в своем процедурном аспекте смыслополагание является закономерным: смысловое содержание, возникающее как результат осуществления процедуры, поддается «просчету»; если это и метафора, то сдвиг значения в ней невелик.

Для смыслового содержания, сформированного в разных логиках смысла, может быть показан «контраст». Это понятие имеет прямое отношение к той методологии, которая способствовала открытию логики смысла. Говоря, что смысловые структуры, созданные в разных логиках смысла (=разными культурами), контрастируют, я имею в виду следующее. Всякий смысл (понятие, термин, обычное слово) заключает в себе — помимо того, что называют его «языковым значением» — закономерную соотношенность с другими смыслами, которые как бы окружают его (всегда одинаково) и создают таким образом его смысловую ауру. То, о чем я говорю, не имеет никакого отношения к ассоциативно-вербальным связям (АВС), которыми занимались лингвисты, и смысловая аура, сопровождающая любой смысл, — это нечто совершенно иное, нежели «карты» языков, составляемые на основе экспериментального изучения АВС. Любой смысл имеет соотношенность с другими смыслами (и не может ее не иметь) потому, что неизбежно предполагает в самом себе наличие отношений, названных мною логико-смысловыми.

Таким образом, любое слово помимо своего языкового значения (которое по-разному описывается в менталистских и антименталистских теориях значения, но в любом случае полагает, если вести речь о наиболее простом случае, соотношение с внешним независимым объектом как решающее закрепление такого значения за словом) обладает тем, что можно назвать логико-смысловым значением. Последнее образовано никак не отнесением слова как знака к внешним объектам и не соотношением его с ментальными образами или идеями, независимыми в отношении данного языкового знака. Логико-смысловое значение выстраивается как бы изнутри самого слова, — а вернее, смысла, ибо тот, кто даст себе труд продумать совершенно необходимые и неизбежные метафизические импликации описываемой позиции (о чем речь время от времени заходила на протяжении книги, но что получило особое развитие в Главе III), увидит, что под «смыслом» я понимаю отнюдь не только входящее в сферу вербального или ментального.

Как уже говорилось, я не могу на данном этапе сказать, что языковое значение *полностью* сводится к логико-смысловому; однако я показал, что оно в значительной мере *определяется* логико-смысловыми факторами. Вот почему в Предисловии говорилось, что мы вряд ли вполне вольны *давать значение* языковым знакам: то, какое значение мы за ними закрепим, определяется не только нашим желанием соотносить данный знак с тем или иным объектом внешней действительности или той или иной идеей в нашем сознании, но также и тем, какое логико-смысловое содержание так задаваемое языковое значение неизбежно будет нести в себе — просто в силу того, что никакое присвоение значения не может быть свободно от влияния логики смысла.

Вот почему я говорю, что может быть показан контраст смысловых структур, созданных в разных логиках смысла: даже если две культуры

захотят придать неким языковым знакам одно и то же значение (предельным случаем такого желания является заимствование, например, восприятие одной культурой философских учений, созданных в другой культуре, чему классическая арабская цивилизация являет едва ли не лучший пример), они не смогут не вложить в них и различие, если следуют разным логикам смысла. Такое различие и названо мною контрастом: при совпадении намеренно вкладываемых в вербальные структуры «языковых значений» оно безусловно сводится к логико-смысловому; с другой стороны, сам контраст в этих случаях неопровержимо свидетельствует о наличии того, что я назвал логикой смысла.

Контраст может быть показан, таким образом, как закономерный. Демонстрация контраста (наиболее развернутый пример ее читатель найдет в конце Главы III) представляет собой показ объективных результатов, имеющих формально-логический характер, и опирается при этом на формально-логические критерии. Поэтому наличие контраста может быть продемонстрировано любым исследователем (и любому исследователю) для двух вербальных структур, созданных в разных логиках смысла, — но не обязательно на разных языках: логико-смысловые закономерности не зависят от конкретного языка. Восприятие логико-смысловых закономерностей не требует никакой специальной «герменевтической» подготовки (хотя ее безусловно требует их открытие): когда такие закономерности эксплицированы, их показ совершенно объективен и не зависит ни от какого «вчувствования» в другую культуру.

Отдельно следует сказать об эмпирическом материале. Во-первых, приведенные в книге примеры далеко не исчерпывают иллюстративный фонд, релевантный для показа действия логики смысла в арабской теоретической мысли. Я ограничился отдельными моментами, простой перечень которых даже не представляет номинально (не говоря уже о том, чтобы исчерпать по сути) всех областей теоретической культуры. Между тем такие примеры действительно были собраны в ходе работы над книгой; скорее даже они своим появлением в моем исследовательском горизонте, в течение многих лет все настойчивее требуя внимания и объяснения, привели к ее созданию. Отбор тех из них, что приведены здесь, объясняется скорее потребностями изложения и внутренней логикой развития текста, нежели желанием представить исчерпывающую картину действия логико-смысловых факторов в построении арабской культуры. Книга делает акцент на изложении теории и ее доказательстве, а не на ее приложении. Это казалось мне естественным, поскольку взгляды, развитые здесь, слишком необычны, чтобы приступать к их применению без подробного изложения и обоснования. Умножение примеров приложимости теории к анализу смыслоорганизации арабской культуры должно последовать в недалеком будущем; оно, однако, вряд ли будет отклоняться от того пути, что уже прочерчен здесь.

Во-вторых, этим эмпирическим материалом отнюдь не исчерпывается сфера приложения логико-смысловой теории. Верно, что она возникла из потребности строго описать феномены классической арабской культуры, неустранимо контрастирующие с «нашим» пониманием. Но так же верно и то, что она не является описанием специфики мышления одной культуры. Более того, эта теория, видимо, не подпадает под известную необходимость разделения знания на науки о природе и науки о культуре. И объекты культуры, и объекты внешнего мира могут рассматриваться как «смысл», и логико-смысловые закономерности определяют формирование и того и другого. Если первым были посвящены Главы I и II, то в Главе III речь шла о вторых.

Логики смысла различаются как различные трактовки одних и тех же процедур смыслополагания. Процедура смыслополагания раскрыта в книге как осуществление логико-смысловых отношений. В разных логиках смысла логико-смысловые отношения осуществляется по-разному, сохраняя номинальное единство. Возможность разного осуществления логико-смысловых отношений предоставлена различием базовых интуиций смыслополагания. Это интуиции упорядочивания, которые различаются для рассмотренных двух логик смысла как интуиции «совместности» и «смены». В метафорическом плане они названы мною «пространственно-временными».

Логико-смысловые отношения могут получить разные названия, многие из которых были использованы в ходе исследования. На языке, наиболее приближенном к философской традиции, они описываются как отношения единства, множественности, противоположности и др. На языке, близком к языку теории множеств, эти отношения могут быть описаны как отношения объединения и других теоретико-множественных операций. Их можно называть и общеаналитическими терминами, такими, как «включать» или «состоять из», поскольку подлинное понимание этих терминов предполагает показ логико-смысловых отношений. Наконец, наиболее компактным способом описать их было указание на них как на раскрытие смысла «и». В последнем случае я имел эффективную возможность показать различие между тем, что было названо «содержательной» и «процедурной» трактовками смысла: контраст между пониманиями, отраженными на Рис. 6 и Рис. 7, — это контраст содержательных трактовок «и» в одной логике смысла, а контраст между Рис. 6/8 и Рис. 9 — логико-смысловой.

Логико-смысловые отношения представляют собой единый комплекс, который может быть раскрыт в разных аспектах; одна из возможностей такого раскрытия — построение рассуждения с участием понятий, соответствующих этим отношениям и описывающих их. Единство комплекса логико-смысловых отношений означает, что ни одно из них не может быть изменено без того, чтобы это не повлекло изменение и других. В наиболее полном виде такой единый и в этом плане недели-

мый комплекс логико-смысловых отношений вместе со связываемыми ими смыслами назван логико-смысловой конфигурацией.

Логико-смысловая конфигурация в разных логиках смысла имеет разное строение. В конечном счете это строение определяется интуитивными основаниями смыслополагания. Логико-смысловая конфигурация описывает соотношение смыслов, которое может выступать в более развитой форме в нескольких теоретических моделях (целое—часть, род—вид, общее—единичное), поскольку отношения смыслополагания равно обосновывают все эти модели. Касаясь общепhilosophических вопросов, я говорил, что референция может быть выстроена только к целостной логико-смысловой конфигурации, но никак не к тому, что именуется единичным и простым «объектом» внешнего мира, даже если обстоятельства создают видимость такой отсылки. Были показаны следствия этой позиции для понимания того, что такое «вещь внешнего мира» и как должно быть изменено понятие «объекта», чтобы соответствовать новому взгляду.

Стоит отметить еще один момент. Для меня представлялось крайне важным обнаружить — а обнаружив, продемонстрировать читателю — объясняющие и эвристические потенции логики смысла. В самом деле, если это — теория, открывающая закономерности формирования смысловых единиц и смысловых структур, она должна быть способна априори показать, какое содержание в принципе может и какое в принципе не может быть сформировано (заимствовано, сохранено, изобретено, т.д.) при осмыслении тех или иных проблем при условии следования данной логике смысла. Если первая половина исследования была построена как отображение и анализ отобранного материала, то начиная с § 1.4.5. Главы II я применил подход, скорее соответствующий так понимаемой задаче. К этому моменту основные понятия логико-смысловой теории уже были введены, и вместо их формулировки и обоснования я мог приступить к их применению. Поэтому вторая половина второй главы и значительная часть третьей представляют собой пример активного применения логико-смысловой теории для анализа смыслового содержания.

Знакомясь с этой частью книги, читатель мог видеть, что логика смысла позволяет представить содержание философских теорий как результат разработки ограниченного числа понятий, названных «процедурными». Это, напомним, единство в его соотношении с множественностью, противоположность, отрицание, утверждение и связка. Процедурные понятия — это то, что непосредственно концептуализирует логико-смысловую конфигурацию, описывая на понятийном языке процедуру ее формирования. Эти понятия составляют единый комплекс постольку, поскольку и логико-смысловая конфигурация по сути своей едина: в этом комплексе нельзя изменить что-то одно, не поменяв тем самым все остальное.

Именно здесь зависимость, названная мною зависимостью содержания от процедуры его формирования, выступает наиболее ясно. Ведь концептуализация, то есть наполнение процедурных понятий конкретным содержанием, непосредственно определяется строением логико-смысловой конфигурации. Эта зависимость никогда не может быть устранена, и на более высоких «этажах» смыслоформирования она может лишь стать менее заметной, но отнюдь не исчезает вовсе: любое понимание в конечном счете доводит анализ смысловой структуры до этого базового уровня. Именно эту зависимость я и стремился продемонстрировать на протяжении всей книги, разбирая примеры из разных областей культуры и показывая, что несводимый и необъяснимый «остаток» любого содержательного анализа оказывается представлен именно этими процедурными факторами, которые таким образом фундируют формирование содержательности на любом уровне и во всех областях культуры.

Поэтому логико-смысловые факторы более фундаментальны, нежели смысловое содержание, — то содержание, по поверхности которого обычно скользит наше внимание, содержание, обсуждению которого посвящены историко-философские работы и выработкой которого занимаются философы. Что верно для философии, верно и для любой другой области теоретической деятельности. И не только теоретической: всякая структура, воспринимаемая нами как осмысленность, может быть *выведена* как результат логико-смыслового описания. В этом я вижу принципиальное отличие своей работы от других, в том числе и тех, которые как будто говорят о чем-то очень похожем и иногда пользуются близкими (а то и совпадающими) терминами: их авторы в своих теориях остаются на уровне анализируемого содержания, не задумываясь (а значит, и не демонстрируя), каким образом это содержание может быть показано как закономерный результат применения ограниченного числа стандартных нормативных процедур.

Прямая зависимость процедурных понятий от логики смысла имеет и другой аспект. Она означает, что никакое из таких понятий не может считаться чистой формой. Напротив, каждое из них, постольку, поскольку определено данной, и только данной логикой смысла (здесь, напомню, речь шла о двух), априори пригодно для структурирования (то есть для того, что называют «формализацией») только того смыслового содержания, которое сформировано в данной логике смысла, и не способно адекватно структурировать (формализовать) смысловое содержание, сформированное в альтернативной логике смысла. Однако процедурные понятия — это понятия, непосредственно задействованные на базовом уровне логического формализма и составляющие самую суть аксиоматики формальной логики. Высказанная мною позиция заключается, таким образом, в том, что параллельность логик смысла означает и параллельность формальных логик.

В этой книге я рассматривал две логики смысла, исследуя одиночную логико-смысловую конфигурацию. Разрешенные вопросы требуют постановки новых. Логико-смысловая конфигурация представляет собой некий комплекс, который может быть выражен крайне сжато (например, как «и»), но может быть и развернут в эксплицированной форме (причем такая экспликация всякий раз закономерна, поскольку представляет собой прописывание логико-смысловых отношений). Однако возможность экспликации, по-видимому, не ограничивается одиночной логико-смысловой конфигурацией. Сжатая пружина смыслополагания в пределах одной логико-смысловой конфигурации предполагает по меньшей мере возможность своего разворачивания в рассуждение, доказательство, умозаключение, а те затрагивают уже две или несколько логико-смысловых конфигураций. Эта сторона еще не изучена; каким образом процедура доказательства, преобладающая в той или иной культуре мысли, определяется логико-смысловыми факторами — это вопрос будущего исследования, которое надлежит предпринять.

Однако уже сейчас можно со всей определенностью сказать, что представление об аксиомах формальной логики определяется логикой смысла. Среди тех комплексов, в которые разворачивается логико-смысловая конфигурация, — и комплекс аксиом формальной логики. Логико-смысловые отношения определяют и понимание связки, и, следовательно, устройства предикации, а значит, и того, каким формально-логическим аксиомам должно отвечать в данной культуре безусловно правильное рассуждение. Я подчеркивал, что параллельность формально-логических отношений к миру является следствием параллельности логик смысла (я понимаю параллельность как отсутствие соподчинения и одновременно — отсутствие возможности пересечения, то есть прямого конфликта, принимающего форму, например, противоречия) и означает возможность наших параллельных отношений к «тому же» объекту, который предстает для нас по-разному в разных логиках смысла, сохраняя самоидентичность. Соотношение между логикой смысла и формальной логикой здесь лишь намечено; подробное исследование его, равно как экспликация иных систем формальных логик — дело будущего.

Вместе с тем ясно, в чем в принципе заключается это соотношение и каким образом логика смысла определяет систему формальной логики, которой следует мышление. Благодаря логико-смысловой теории мы можем видеть разное содержание там, где прежде мыслилась единственная форма; мы открываем, таким образом, содержательный, а не формальный характер основных категорий, составляющих центр формально-логического мышления. Это относится к связке, отрицанию, утверждению; очевидно, что, будучи содержательными, они предполагают возможность иного, альтернативного себе содержания, чем и определяется альтернативность систем формально-логических аксиом, которые строятся с их использованием. В этой работе было уделено большее

внимание связке и меньше говорилось о характере отрицания. Я не занимался систематически выявлением влияния логико-смысловых отношений на понимание формально-логических аксиом, хотя была отмечена определенность понимания закона исключенного третьего в арабской мысли релевантной для нее логикой смысла. Более упорядоченное исследование связи логики смысла с формальной логикой — еще одно приоритетное направление ближайших исследований.